

благодарность за назначеніе ихъ. Особенно усерденъ первый. За богослуженіями и проповѣди говорятъ по русски, да еще и трогательныя. Объ этомъ тоже получалъ свидѣтельства. На-дняхъ всѣ четыре мѣста посѣтили о. Симокъ Ми, окончившій курсъ въ Кіевской духовной академіи, съ подарками военноплѣннымъ отъ христіанъ Кіотской церкви, и тоже всѣхъ привѣтствовали словами христіанскаго утѣшенія. Онъ тоже просится служить у военноплѣнныхъ, и ему предназначено въ Нагоя, городъ между Токио и Кеото, гдѣ совсѣмъ приготовлено помѣщеніе, для приѣма новыхъ, такъ какъ тѣ четыре мѣста переполнены; къ сожалѣнію только, о. Ми не совсѣмъ здоровъ.

Памяти о. Николая Курлова.

В. И. Немировичъ-Данченко посвящаетъ въ «Русскомъ Словѣ»¹⁾ прочувствованный фельетонъ памяти о. Николая Ивановича Курлова, положившаго животъ свой въ самоотверженномъ служеніи ближнимъ. Бывшій священникъ Спасо-Преображенской церкви, что за Московской заставой въ С.-Петербургѣ, онъ при самомъ началѣ войны съ Японіей добровольно отправился на театръ военныхъ дѣйствій, самоотверженно ухаживалъ за больными и ранеными, заразился брюшнымъ тифомъ, который и свелъ въ могилу этого еще молодого и цвѣтущаго человѣка. Познакомился я съ Курловымъ, рассказываетъ В. И. Немировичъ-Данченко, въ вокзалѣ Ляояна. Было жарко, солнце жгло во всю, люди задыхались снаружи. Всѣ мѣста заняты, у стѣнъ стояли въ ожиданіи возможности присѣсть только что явившіеся съ позицій, развѣздовъ. На лицахъ слои пыли—вымытыя негдѣ, печѣмъ. Воды

и для питья въ обрѣзъ. Я какимъ-то чудомъ добился мѣста за столомъ. Пошли рассказы. И вдругъ позади раздался удивительно задушевный, какъ кристалль ясный, звонкій, искренній смѣхъ. Такъ могутъ смѣяться только очень хорошіе жизнерадостные люди. Оглядываюсь,—въ чесунчовой рясѣ сидитъ красавецъ-священникъ. Открытое лицо съ славнымъ выраженіемъ—невольню засмотрѣлся на него,—вотъ бы въ картину,—самъ просится. Я невольню подошелъ, познакомился.

— Я—Курловъ!

— Господи! Да я о васъ столько слышалъ!

И въ самомъ дѣлѣ, вотъ этотъ самоотверженный другъ больныхъ и умирающихъ. Уполномоченный «Краснаго Креста»,—сестры милосердія, врачи, мнѣ столько говорили о немъ, имъ бы я еще и не особенно повѣрилъ. Дѣло вѣдь не въ вѣрности,—мелочи часто спутываются,—а въ искренности. Другой исправно ведетъ свое дѣло, служить по программѣ, все, что отъ него требуется, исполняетъ, но душа у него далеко отсюда, онъ отдаетъ только руки. А Курловъ весь уходилъ въ заботу о несчастномъ, попавшемъ въ его общину. Сколько бессонныхъ ночей онъ провелъ съ ними, не зная отдыха днемъ, потому что днемъ—опять работа, опять то же безустанное, сплошное просиживание у постели раненаго, перевязка, помощь заматавшемуся отъ одуряющаго труда врачу, утѣшеніе, успокаиваніе людей, сознающихъ, что у нихъ всѣ связи съ этимъ миромъ порваны, и лежитъ передъ ними въ безконечную даль загадочный мистическій мракъ, что то новое страшное непонятное, неизбежное, необходимо надвигающееся отовсюду. У каждаго изъ такихъ позади—семья, близкіе и дорогіе люди. Однимъ надо написать, отъ другихъ принять на себя обязательства которыя

¹⁾ № отъ 16 января 1905 г.

не такъ то легко выполнить. Гдѣ-то въ пространствѣ, за этою проклятою манчжурскою гладью, затерялись дѣти, ихъ надо поднять, пристроить, дать умирающему великое слово, что кровь отъ крови его, всѣ эти маленькія, ни въ чемъ неповинныя существа не останутся на улицѣ, не будутъ выброшены въ безжалостный и холодный свѣтъ одинокими, безпомощными, забытыми... Надо отдать справедливость Курлову — эту службу онъ несъ такъ, что ему изумлялись и кланялись люди, которыхъ не особенно купишь его профессиональной одеждой.

— Это настояще, этакихъ и между нашими мало! — говорилъ о немъ человекъ, шипѣвшій на все обрядовое, обязательное.

— Другого такого не найдешь.

Сидитъ всю ночь въ палатѣ тифозныхъ Курловъ, дышетъ ядовитымъ воздухомъ, пропитаннымъ заразою больного тѣла, и самъ то онъ себя чувствуетъ неважно, но нужно было слышать его голосъ, полный любви ко всему, что страдаетъ и нуждается въ помощи, эти длинныя терпѣливыя бесѣды! Вотъ мечется солдатъ, которому кажется, — кто то зоветъ, чей то милый голосъ кличетъ издалека. И бѣдняга кидается навстрѣчу, — не угляди, въ одной рубахѣ выскочить на дождь, на холодъ, въ безконечную даль, неогляднымъ мракомъ охватывающую затерявшійся въ манчжурской глуши лазаретъ. Сколько такихъ мы находили на пути, — стремится куда то, бормочетъ несуразное. Остановишь, — безмысленно уставится, а заговорить, — ничего не понять. Догадаешься положить ему ладонь на лобъ — и понимаешь, что температура у него ползетъ къ сорока... Не доглядѣли, — тифозный и сбѣжалъ изъ госпиталя за нѣсколько верстъ! Не знаешь, куда его дѣвать, какъ отправить, прежде всего потому, что и самъ онъ не помнить,

откуда, кто онъ и куда! Такихъ успокаивать и приводить въ себя особенно любилъ Курловъ. Онъ у ихъ постели былъ своимъ человекомъ. Возьметъ, бывало, «бѣсноватаго» за руку и что то долго, тихо и нѣжно говоритъ ему, и взгляды больного дѣлаются все сознательнѣе, хрипота въ горлѣ рѣже, голосъ человѣчнѣе и, наконецъ, бѣдняга самъ начинаетъ рассказывать, и вы убѣждаетесь, что Курлову лаской и уходомъ удалось достигнуть того, чего нельзя было добиться всѣми зельями латинской кухни. Тихо, спокойно заснетъ такой, и Курловъ переходитъ къ слѣдующему и съ нимъ повторяетъ то же чудо любви... «Нужно не словомъ къ разуму, — а душою къ душѣ», — тогда все тебѣ дастся. Но чтобы «душею къ душѣ», нужно имѣть, прежде всего, такую душу, а не росписаніе служебныхъ часовъ. Съ росписаніемъ, какъ ни строго исполняй его, — ничего не сдѣлаешь!

— Такіе сердцемъ тонъ понимаютъ, хотя иной разъ имъ слова неясны. Они не слышатъ ихъ толкомъ... Ну, а тонъ вашего голоса въ грудь къ нимъ стучится... Откройся-де и пропусти къ сердцу.

Я не знаю, гдѣ затерялась одна изъ фотографій, снятыхъ съ покойнаго Курлова. На ней онъ изображенъ посрединѣ лазаретнаго двора. Очевидно, дѣло было лѣтомъ. Священникъ въ своей легкой чесучовой рясѣ сидитъ въ креслѣ у носилокъ-кровати, на которой лежитъ больной офицеръ. Курловъ внимательно прислушивается къ его разсказу и рукою поддерживаетъ голову бѣдняги. Если нуженъ былъ портретъ, то именно такой. Тутъ весь Курловъ съ его выраженіемъ лица, съ его фигурой, спокойный въ тяжелыя минуты, когда излишняя суета вредна тому, кто нуждается въ поддержкѣ и помощи. Сколько разъ я видѣлъ его именно такъ, и обѣ-

щанія, которыя онъ давалъ умирающему, никогда не были «только для утѣшенія, для облегченія послѣднихъ минутъ». Курловъ смотрѣлъ на нихъ какъ на святое обязательство, нарушить которое онъ не могъ. Живой въ правѣ разрѣшить отъ даннаго обѣта, — слово мертвому надо исполнить во что бы то ни стало. Сколько онъ хлопоталъ пристроить дѣтей, поставить на ноги тѣхъ, кто остался безъ крова, найти черезъ кого бы то ни было занятія и работу вдовѣ. Въ одномъ случаѣ Курловъ ухитрился спасти отъ голодной смерти, отъ безпріютности и заброшенности пятерыхъ малютокъ, въ другомъ — цѣлая семья больная и ни на что не способная — инвалиды на инвалиды — оказалась избавленною отъ самой тяжкой нищеты. Когда онъ добивался цѣли, — не складывалъ рукъ. Шель опять смѣло и требовалъ, писалъ къ людям, которыхъ не зналъ, не стѣсняясь ни ложнымъ стыдомъ, ни страхомъ взбудоражить и обезпокоить людей, отъ которыхъ зависѣла его личная судьба... Когда я оглядываюсь назадъ на эту удивительную фигуру истиннаго человѣка на войнѣ, — мнѣ кажется, что отъ него и изъ-за могилы льетъ на меня теплый, радостный свѣтъ.

Цѣлые ночи, цѣлые дни напролетъ у чужихъ носилокъ, у постели страдающаго ближняго. Хирѣлъ онъ, слабѣлъ и блѣднѣлъ на глазахъ у всѣхъ его знавшихъ и видѣвшихъ, и когда «героя» — да, именно настоящаго героя, — убѣждали: «пожалуйте себя», — онъ съ удивленіемъ поднималъ свои прекрасные глаза:

— А они себя жалѣли? Чѣмъ же я лучше ихъ?

Бывало, забудется короткимъ сномъ, измученный и усталый, — вдругъ сквозь дрему слышитъ зовъ, и подымается къ умирающему солдату или къ раненому, котораго душитъ бессонница. Вѣднѣку

страшно оставаться одному лицомъ къ лицу съ зловищею тьмою безконечной ночи, напоминающей ему близкую могилу и безпросвѣтное царство великой тайны за нею. Курловъ не только не поддавался физической усталости, онъ не зналъ, что значить отказать въ чемъ бы то ни было человѣку и брату, попавшему къ нему въ лазаретъ... Когда ничего другого нельзя было сдѣлать, онъ цѣлые дни читалъ имъ, писалъ письма, отнималъ у себя дорогое время. Дорогое, — потому что въ этомъ молодомъ священникѣ вырабатывался талантливый писатель. Я не знаю, куда дѣвались его рукописи; тѣ отрывки, которые онъ мнѣ читалъ, отличались необычайною прелестью и живаго, почти женственнаго отношенія къ недугу и душевной боли, тонкою наблюдательностью и прекраснымъ языкомъ. Онъ обѣщалъ отправить ихъ въ «Русское Слово», но, должно быть, смерть ранняя и неожиданная помѣшала этому. У кого изъ сестеръ милосердія сохранились его дневники? Дать имъ потеряться такъ, въ массѣ другихъ, было бы жалко. Да и для его семьи, которою Курловъ пожертвовалъ недужному и раненому «брату», въ этихъ, можетъ быть, и не обработанныхъ отрывкахъ было бы нѣкоторое подспорье.

Съ чистою душою и кристальною совѣстью, съ еердцемъ, такъ чутко отзывавшимся всему доброму и страдающему, Курловъ соединялъ большой и просвѣщенный умъ. Это были одинъ изъ тѣхъ служителей Церкви, которые видятъ ея друга въ наукѣ и знаніи, которые не огораживаются византийскими стѣнами обряда и предрассудка отъ всего, къ чему теперь такъ страстно и пламенно стремится человѣчество. Оживомъ я не сталъ бы говорить такъ много. Можно было бы подумать, что я съ нимъ связанъ тѣми или другими отношеніями. Мертвому воздай долж-

ное, въ вѣчную ему память и въ при-
мѣръ слѣдующимъ по его стопамъ.
Курловъ—прекрасно пѣлъ, и въ тихія
манчжурскія ночи, когда печальная
луна такимъ трепетнымъ свѣтомъ обли-
ваетъ причудливый край съ тихими
кумирными и вѣровидными роцами,—
молодой священникъ трогалъ насъ
словно залетавшими съ далекой роди-
ны пѣснями. Въ немъ была поэтиче-
ская мечтательность, непоколебимая
вѣра въ близкое и неизбежное торже-
ство правды надъ слѣпою, глупою и
злобною силой, страстное желаніе по-
служить этой правдѣ и положить жизнь
«за други своя».

Судьба исполнила эту жажду жертвы.

Когда начался тифъ, Курлова нельзя
было убѣдить уйти изъ зараженнаго
лазарета. Онъ тутъ дневалъ и но-
чевалъ. Изрѣдка ночью передъ шатра-
ми на минуту обрисовывалась его ве-
личавая фигура. Онъ выходилъ поды-
шать воздухомъ, полюбоваться на за-
лигую таинственнымъ мерцаніемъ слов-
но иного міра даль. Но позади не жда-
ли. И Курловъ сейчасъ же возвращался
въ область смерти и заразы, служа
своей паствѣ «до послѣдняго издыха-
нія». Вотъ ужъ именно добрый па-
стырь, клавшій душу за овецъ...

Я видѣлъ его въ гробу...

Курловъ самъ заразился тифомъ и
умеръ... Уйди онъ сейчасъ же,—пожа-
луй, спасся бы. Нѣтъ, этотъ «воинъ
Бога живого» долго перемогался, служа
тѣмъ, кто былъ больнѣе его. О немъ
говорили: онъ ищетъ смерти, не вѣр-
нѣ ли—жаждетъ подвига? Онъ смѣ-
ненъ со своего поста, какъ истый ча-
совой великой дружины братской люб-
ви,—смертью, и когда я смотрѣлъ на
эти черты, чистыя и прекрасныя, ко-
торымъ негаданный конецъ его «слу-
женія человѣку» придалъ не свойствен-
ную строгость,—мнѣ казалось, что его
короткая «добрая» жизнь была куда

полиѣе и радостнѣе нашей, Богъ знаетъ
зачѣмъ длящейся и кому нужной...

Кажется, семья его осталась безъ
средствъ.

Хотѣлось бы знать, что «Красный
Крестъ» сдѣлалъ для жены и дѣтей
этого праведника, ради котораго Го-
сподь простилъ бы и Содомъ, живи
Курловъ въ тѣ времена подъ разгнѣ-
ванными и мстительными небесами.
Вѣдь именно такими, какъ онъ, дер-
жится «Красный Крестъ». И вопросъ,
который я задаю,—вмѣстѣ со мною
задаютъ и сотни спасенныхъ Курло-
вымъ больныхъ и раненыхъ... Ихъ чут-
кая, благодарная любовь тоже требуетъ
отвѣта:

— Что сдѣлано для семьи человѣка,
положившаго жизнь за всѣхъ насъ, бо-
лѣвшаго и страдавшаго съ нами, но
несравненно болѣе, — потому что мы
мучились каждый за себя, а онъ—одинъ
за всѣхъ?

Приходскіе подарки солдатамъ, состоящимъ въ дѣйствующей арміи.

Къ празднику Рождества Христова,
какъ извѣстно, можно было отправлять
солдатамъ, состоящимъ въ дѣйствующей
арміи, посылки безъ оплаты ихъ поч-
товымъ сборомъ. То же, конечно, мо-
жно будетъ дѣлать и къ предстоящему
празднику Пасхи. И вотъ въ нѣкото-
рыхъ приходсахъ Новгородской епархіи
явилась мысль къ празднику Пасхи от-
править солдатамъ, урожденцамъ своего
прихода, приходскіе подарки. Авторъ,
очевидно хорошо освѣдомленный въ
этомъ дѣлѣ, пишетъ въ редакцію «Нов-
городскихъ Епархіальныхъ Вѣдомо-
стей»: «Какой-то солдатикъ, попавшій
было въ плѣнъ, но убѣжавшій оттуда,
разсказывалъ. Когда я пробрался полз-
комъ между японскими позиціями и рус-
скими, то все молился Николаю чудотвор-
цу. У насъ на родинѣ моей церковь Ни-